

Александр Осипов

Federica Prina. National Minorities in Putin's Russia: Diversity and Assimilation. New York: Routledge, 2016. 266 pp. ISBN 978-1-1387-8082-8.

Александр Осипов – член совета Международного центра исследований этнического и языкового разнообразия (International Centre for Ethnic and Linguistic Diversity Studies, Czech Republic). Адрес для переписки: z. s. Korunní 2569/108, 101 00 Praha 10, Czech Republic. aosipov1@gmail.com.

Книга Федерики Прины, преподавателя Университета Глазго, посвящена этнической политике (в значении и politics, и policy) в современной России.

Введение и главы 2, 3 и 4 описывают российский политический и правовой контекст и объясняют авторский концептуальный подход. В главе 5 рассматривается административная централизация, соответственно – умаление и угасание федерализма как системы защиты меньшинств. В 6-ой главе анализируются процессы в системе образования, 7-я посвящена отношениям государства с этническими неправительственными организациями; в продолжающей ее 8-ой рассказывается о перипетиях так называемой национально-культурной автономии, которая являет собой одну из разновидностей общественных объединений. В главе 9 рассматриваются механизмы консультаций государства с представителями меньшинств и эффективность этих практик. В заключении автор резюмирует: в силу ряда причин в России происходит ассимиляция нерусских этничностей, насаждаемая государством идеология «общероссийского патриотизма» и «гражданской нации» имеет отчетливые русские этнокультурные обертонны, интересы и потребности меньшинств маргинализуются, – и все это заслуживает негативной оценки с точки зрения международного права и общих гуманистических позиций.

Прина изучала процессы, затрагивавшие три группы – карел, мордву и татар. Исследование носит междисциплинарный характер. Эмпирический материал собирался в ходе полуструктурированных интервью с активистами неправительственных организаций, государственными служащими, журналистами, депутатами и исследователями. Кроме того, она использовала официальные нормативные акты, судебные решения, экспертные публикации и прочие источники.

Монография содержит подробное описание и детальный анализ большинства составляющих российской этнополитики XXI века. Если бы не относительно быстрые перемены в этой области, то книгу можно было бы рекомендовать как справочник. В последние годы было издано немало работ об этнических проблемах в России, но эта ниша отнюдь не переполнена, и монография, предлагающая системный и подробный обзор большой (а возможно, и бóльшей) части основных этнополитических процессов, послужит хорошим подспорьем для всех интересующихся и этнической политикой в целом, и современной Россией.

Авторская концепция проста: Россия в силу своих международных обязательств должна поддерживать и развивать этнокультурное разнообразие, предоставляя при этом возможность национальным меньшинствам (под которыми в данном случае понимаются нерусские этничности) выражать и защищать свои особые интересы. На деле этого не происходит, и в стране идут процессы централизации, унификации и гомогенизации во всех сферах публичной жизни, в основном из-за политики государства. Российское руководство признает «многонациональный» характер страны и сохраняет некоторые институты, поддерживающие разнообразие, но официальная риторика ограниченно транслируется в реальные практики, а позитивная деятельность носит в основном символический и имитационный характер.

Едва ли эту схему можно считать оригинальной, и нет поводов с ней спорить. Проблема в том, что вряд ли она может принести что-то новое для понимания причин, генезиса и следствий протекающих процессов. Однако достоинства книги не ограничиваются детальным обзором российской политики управления и разнообразием и ее результатов.

Текст монографии представляет наглядную подборку основных свойственных современным этнополитическим исследованиям (особенно в англоязычном мире) стереотипных подходов. Вместе с книгой читатель получает почти полный набор иллюстраций, показывающих в деталях, как эти, на мой взгляд, проблемные подходы выглядят.

Первая проблема – это удивительная живучесть языка, который прямо или косвенно, возможно, часто вопреки воле автора, «овеществляет» коллективы и приписывает им свойства социальных субъектов. Как заметил Роджерс Брубейкер, в реальности оппонировать приходится не «соломенному чучелу примордиализма» (Brubaker 1996:15); действительно, редко кто будет настаивать на существовании объективно данных, субстанциально определенных и внутренне структурированных «этносов» или «наций». Более того, похоже, что сейчас отрешивание от «группизма» и реверансы перед конструктивизмом становятся почти обязательным ритуалом, но, как оказывается, стилиа и направленности мышления это не меняет. Люди привычно мыслят этнические группы как таковые, что, например, проявляется в рассуждениях Прины о «настоящем» представительстве и «настоящих» интересах меньшинства.

Авторы обращают внимание на второстепенные и не имеющие прямого отношения к делу обстоятельства, как то подвижность и проницаемость границ между этническими категориями, их историческую изменчивость и социальную инженерию элит. Дальнейшие же рассуждения обнаруживают готовность видеть за самыми разными манифестациями различий конечное коллективное агентство со своей «идентичностью» и продиктованными ею интересами. Следствия – как минимум, в сужении поля зрения и в таком подходе к отбору проблем, при котором возникает множество «слепых пятен».

В поле зрения Прины попали только «культурные права» (то есть возможности воспроизводства различий и их публичного выражения) и «право на участие»; трудно объяснить причины выбора иначе, как тем, что исследователь оттал-

кивалась от образа ищущих для себя «права голоса» этнических групп, чей смысл существования состоит в сохранении собственных культурных особенностей. Множество других вопросов – о том, как различия создаются дискурсивно и организационно и какими смыслами с разных сторон наделяются – заведомо остаются за скобками.

Вторая проблема – осознанное или неосознанное смешение описательного и нормативного подходов. Проявляется это в первую очередь в том, что та или иная нормативная конструкция (очередная философская теория или правовой инструмент) некритически используется в качестве интерпретационной схемы. По сути Прина на протяжении всей книги применяет одновременно в качестве и инструмента описания, и системы оценок Рамочную конвенцию о защите национальных меньшинств (РКНМ). Зачем? Похоже, просто из-за ее юридически обязывающего характера. Иначе все нелицеприятные оценки российской действительности, которые превращают монографию в значительной степени в обличительный памфлет, пришлось бы обосновывать чисто умозрительно. Впрочем, по существу книга и так писалась из перспективы сравнения России с неким воображаемым идеальным порядком, при котором этнические группы, оберегая свое наполнение («идентичность») и целостность, могут по собственному усмотрению реализовывать свои объективно заданные интересы. Претензии автора к российской политике продиктованы в основном именно этой логикой.

Добавлю, что и сами постулаты основных современных нормативных подходов, относящихся к этничности, являются латентно эссенциалистскими и «группистскими». Их использование в качестве аналитических инструментов создает немало курьезов, возвращающих нас к первой проблеме. Наиболее яркие примеры обычно связаны с влиянием таких идей, как «право народов на самоопределение» и сохранение того, что именуется «этническими культурами». Про последнее – сохранение этнических культур – как общезначимую глобальную повестку и одновременно критерий выбора сюжетов для анализа и оценок Прина пишет вполне определенно (с. 19–20, 228–230).

Третья проблема – это поразительная привлекательность поляризованных репрезентаций. В этнических исследованиях вообще и в книге Прины в частности следует отметить две из них. Первая выражается в том, что описание и концептуализация различий почти неизбежно строятся вокруг противопоставления класса угнетателей и класса угнетенных. Вся соответствующая проблематика зачастую переосмысливается как отношения доминирования и подчинения между «белыми» и «расиализованным населением», «большинством» и «меньшинствами», «доминирующей» и «маргинализированными» «культурами». Вторая важная оппозиция вытекает из ориенталистского отношения к посткоммунистическим странам: постулируется, что последние нуждаются во внешнем корректирующем воздействии и в рецепции «прогрессивных» западных принципов защиты меньшинств.

Здесь речь не о значении социальных асимметрий, иерархий и связанных с ними конфликтов; нет нужды оспаривать различия в уровне, качестве и самом характере правового регулирования и публичного управления между «старыми» демократиями и Россией; нет и сомнений в репрессивных способностях и наклон-

ностях российского государства. Проблема в том, что заданная оптика не позволяет ни поставить многие вопросы, ни тем более на них ответить. Видны только угнетающая сила и подавляемые меньшинства, которые не могут делать то, что они якобы делали бы при отсутствии давления (сохраняли и развивали свою «культуру»). Оказывается, невозможно разглядеть и понять множество стратегий, с помощью которых люди используют предложенные им этнические категоризации или избегают их; множество практических интерпретаций того, что есть этническая культура, множество сценариев использования этнических различий как ресурса и, наконец, мотивы людей или организаций для того, чтобы следовать тем или иным вариантам действий.

Очередная констатация плохого исполнения в России закона и международных обязательств, пусть с добавлением богатого и тщательно структурированного эмпирического материала, вряд ли может приблизить кого-то к более глубокому пониманию соответствующих сюжетов. Но разглядеть, что именно мешает этому пониманию, крайне важно, и книга Федерики Прины помогает эту задачу решить.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Brubaker, Rogers. 1996. *Nationalism Reframed: Nationhood and the National Question in the New Europe*. Cambridge: Cambridge University Press.